Авдеева Елена Александровна

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГЕРМЕНЕВТИКИ В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Статья раскрывает онтологическую роль герменевтики в воспитании человека. В центре внимания - герменевтический анализ культурного текста с целью выявления его онтологического наполнения в процессе воспитания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 10-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 1(09)

Статья раскрывает онтологическую роль герменевтики в воспитании человека. В центре внимания – герменевтический анализ культурного текста с целью выявления его онтологического наполнения в процессе воспитания.

Ключевые слова и фразы: онтология; герменевтика; воспитание; культурный текст; человек.

Елена Александровна Авдеева, к. пед. н., доцент
Кафедра профессиональной педагогики
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
paideia@mail.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГЕРМЕНЕВТИКИ В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА©

Обзор работ за последние одиннадцать лет в области герменевтики отечественного образования показал, что значительный вклад в развитие этой науки сделали А. Ф. Закирова [4], И. И. Сулима [11], Н. Г. Фролова [13] и др. В качестве примера хотелось бы привести работу И. И. Сулимы, в которой автор отмечает, что герменевтическая философия помогает обеспечить онтологичность образования и воспитания. Сегодня внимание к герменевтическим подходам к современному воспитанию постоянно возрастает. И более того, некоторые авторы толкуют герменевтику как современную онтологию. Об этом свидетельствуют исследования таких ученых как Б. С. Гершунский [2], Э. Н. Гусинский и Ю. И. Турчанинова [3], А. М. Лобок [8], П. Г. Щедровицкий [18]. В названных работах в той или иной степени освещаются вопросы герменевтики в воспитании.

Для более глубокого понимания термина «герменевтика» воспользуемся методом компонентного анализа слова, направленного на понимание его смысла, представленного в работе Н. Г. Фроловой. С помощью данного метода автор разбивает слово на минимальные семантические единицы. В слове герменевтика их три: «herm» – вход, выход; «en» – закрытый, скрытый, находящийся внутри, в пределах чего-либо; «eu» – благо, хорошо, добро, правильно. Автор трактует термин герменевтика как «раскрытие (прояснение) ранее сокрытого» [13, с. 8]. Философский словарь под редакцией И. Т. Фролова определяет понятие «герменевтика» как «искусство и теорию истолкования, имеющего целью выявить смысл текста, исходя из его объективных (значения слов и их исторически обусловленные вариации) и субъективных (намерения авторов) оснований» [12, с. 70]. Современный словарь иностранных слов раскрывает понятие следующим образом: «Г. (герменевтика) – (hermeneutike (techne) - истолковательное (искусство)) - искусство толкования текстов (большей частью древних); учение о принципах их интерпретации» [10, с. 149].

В филологии эпохи Возрождения герменевтика выступает как искусство перевода памятников античной культуры на язык живой современной культуры. Философская герменевтика, следуя этой традиции, определяет превосходство понимания над разумом, языка над сознанием. Тем самым подчеркивается возможность реконструирования «жизненного мира» (Э. Гуссерль) прошлых культур «с целью понимания отдельных их памятников» [7, с. 47].

Один из основоположников западной герменевтики - М. Хайдеггер - определяет данное понятие таким образом: «Герменевтика - отношение между словом Священного писания и богословской мыслью. Это то же самое, что между языком и бытием, только мне недоступное… Герменевтика - наука о целях, путях и правилах истолкования литературных произведений… Герменевтика – теория и методология всякого рода интерпретации произведений изобразительного искусства» [14, с. 278]. В контексте сказанного представляется небезынтересным привести мысль М. Хайдеггера о том, что выражение «герменевтический» связано с «именем существительным *Ερμηνευζ*, допускающим сопоставление с именем бога Гермеса в той игре мысли, которая обязательнее, чем научная строгость. Гермес - вестник богов. Он приносит весть судьбы…» [Там же, с. 288]. По Хайдеггеру, «герменевтика рассматривает аспект вести в аспекте хранения вести» [Там же, с. 290].

А. Мень приводит свое толкование: «(греч. *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий) – искусство, техника толкования классических текстов. Цель герменевтики – интерпретация исторических источников, сакральных текстов с позиций сегодняшнего дня, выявление смысла из “него самого” путем исчерпывающего анализа его лексики, грамматики, экспрессивно-стилистических качеств. Часто под герменевтикой понимают фундаментальные принципы толкования» [9, с. 281].

Таким образом, герменевтика – это наука о прочтении, понимании и интерпретации текстов (понятие текста в исследовании рассматривается не только в лингвистическом аспекте, но и в онтологическом, бытийном измерении). Давая понятие герменевтики, считаем необходимым, выделить следующие моменты. С одной стороны, герменевтика - это метод, так как это способ, позволяющий исследовать предмет изучения. При этом нам представляется, что нет необходимости фиксировать сколько-нибудь точно границы направлений герменевтики, так как один и тот же метод в разных его модификациях можно использовать в разных философских направлениях.

© Авдеева Е. А., 2011

С другой стороны, философская герменевтика постепенно из учения о методе познания превращается в учение о бытии. Ее основополагающий тезис формулируется следующим образом: «Человек есть существо, бытие которого заключается в понимании» и понимание оказывается не только способом познания, но и способом существования человека [16, с. 54].

Ключевое понятие герменевтики – понятие текста. Понятие «текст» происходит от латинского *text, texo*, которые, в свою очередь, восходят к *t'euk* – «вести», *teks* – «изготовлять», *teik* – «предначертание». Отсюда следуют смыслы слова «текст» – ткать, строить, сооружать, изготовлять, составлять, слагать, сочинять, вплетать, переплетать, сочетать. Из приведенного глагола образуется ряд значений: сплетение, строение, структура, ткань, связь, связное изложение [15, с. 173]. Выявленные значения помогают дать определение понятию «текст». Текст – это внешняя последовательность связно изложенных знаков, символов, образов, имеющая внутреннюю архитектоническую структуру, обладающую смыслом.

Автор предполагает, что онтологическое значение герменевтики заключается в том, что она помогает определить качество содержательного наполнения текстов, используемых в воспитании, потому что именно содержание (не методы, формы, технологии) оказывает существенное воздействие на личности. Семантические потоки культурного текста, в свою очередь, влияют на развитие личности человека через взаимодействие с его сознанием, будучи изоморфными этой структуре и, более того, они могут быть соотнесены со структурой сознания. Но таким воздействием обладает не всякий текст, а только культурный.

Под культурным текстом автор понимает сакральный, аутентичный текст, в котором закодирована многоуровневая этическая информация, содержащая первосмыслы бытия и его законы. Культурный текст может принадлежать разным онтологическим традициям (Античности, Средневековью, Новому времени и Современности). Здесь же хотелось посмотреть на текст в контексте его онтологического наполнения и выявить с помощью герменевтики его воспитательный потенциал.

Тексты культуры всегда представляют собой явление внутреннее и органическое. Они захватывают самую глубину человека, его внутренний мир. Этим они отличаются от текстов технократической цивилизации, которые могут усваиваться внешне и поверхностно и не требуют всей полноты личностного участия. В культуре есть нравственно-духовное начало. Но если это начало вносится во враждебную среду, в атмосферу рассудочной мысли, отвлеченных законов, формальных обрядов, мертвеющей религии, жадно-земной воли и жестких инстинктов, то в таких условиях культура не может твориться, она может только вырождаться. И понятно, что люди, живущие в цивилизации, не могут принять духовно-нравственного начала культуры. Они должны остаться людьми «техногенного» мира.

Для культуры механическое, материальное, чувственное само по себе не имеет безусловной ценности. Внутреннее, сокровенное, нравственное решает вопрос о достоинстве внешнего, явного, вещественного. Так, нравственное состояние человека ценится не по его материальному достатку и не по внешней пользе, из него проистекающей, но по внутреннему состоянию мира человека, его переживающего. Так, культурный текст имеет ценность не тогда, когда «эффектна» и «оригинальна» его форма, а когда он содержит в себе духовно-нравственное начало. Все нравственные вопросы разрешаются внутри текста. Культура, как и язык, творится внутри текста, она создает личность человека.

Основа содержания культурных текстов – гуманитарные проблемы. «Мысль, движимая духовностью, становится силой разума и дает настоящее знание. Воля, рожденная духом, становится совестью, благородною волею и оказывается источником настоящих героических поступков. Воображение теряет свой холод. Перестает быть праздной и безразличной игрой, загорается духовным огнем и начинает творить по-настоящему. А земная похоть, проникнутая духовностью, начинает осуществлять законы любви» [5, с. 134].

Так, тексты культуры всегда несут в себе живое онтологическое содержание, а не формы. Не в том смысле, чтобы вовсе не ценилось начало «формы», т.е. стандарт, норма, образец, эталон, но в том смысле, что отметается начало пустой, отвлеченной, самодовлеющей формы, лишенной насыщающего ее содержания, ибо формализм искажает все, во что он внедряется. И поэтому механизация, технократизация и формализация содержания свидетельствуют о вырождении культуры. «Человек ищет не пустой формы, а наполненной содержанием. Он ищет не мертвой схемы или механизма, а органической жизни во всей ее таинственности; он жаждет формы, рожденной из глубокого, духовно-нравственного насыщенного содержания. Настоящий человек учится отличать «нравящееся», «приятное», «дающее наслаждение», «полезное» от того, что на самом деле истинно, нравственно, справедливо, героично. И, научившись различать эти два вида ценностей, он умеет выбрать совершенное, предпочитать его, добиваться его, служить ему, беречь его и в случае надобности защищать его» [Там же, с. 79]. Такой человек не только созерцает совершенство, но и себе вменяет в обязанность совершенствование. На основе этого у него формируются нравственные качества ответственности, покаяния, прилежания, добросовестности, дисциплины и т.д.

Тексты культуры несут содержание, насыщенное онтологическими проблемами, т.е. они наполнены внутренним, нравственным, созерцающим, показывающим человеку путь к совершенствованию. А это значит - созерцающему и действующему человеку важно привнести онтологическое измерение во все направления воспитания. Но для этого воспитание должно открыть для себя мир текстов культуры, существовать в нем и транслировать их подрастающему поколению. Аутентичные тексты – это тексты со встроенным надсистемным, надпредметным онтологическим уровнем, постижение которого, независимо от предметного содержания, осуществляется языковыми методами познания.

Во всех аутентичных текстах находятся проверенные временем, общепринятые законы бытия, фокусирующие в себе важнейшие онтологические проблемы человечества и поиски их решения. В опыт, содержащийся в культурных текстах, прежде всего, входят нравственные нормы, выработанные в культуре (народных сказаниях, мифах, легендах, притчах и т.д.). Круг идей, который необходимо хранить и передавать от старшего поколения младшему, довольно ограничен в своем списке. Культурный текст сохраняет его для следующих поколений в своеобразных языках искусства, формулах науки, в символах и, конечно, в первую очередь, в образах и словах. Любой культурный текст воссоздает жизненно важную нравственную ситуацию, необходимую для порождения у субъекта значимого опыта. События культурного хронотопа оказываются «кирпичиками», из которых устроен мир.

Чтобы сделать великие истины простыми и доступными, в культурных текстах они были закодированы в образах, были персонифицированы. Их носителями стали символы богов, богинь, герои мифов и сказочные персонажи, населяющие древние аутентичные тексты. Каждый культурный текст несет вековую мудрость, «первосмысл», который необходимо передать так, чтобы человек не догадывался, что его воспитывают. Он просто открывает для себя смыслы. А сами смыслы уже обладают программирующим воздействием. Понимание смыслов, закодированных в текстах, всегда сопрягается с постижением неявного, сокрытого. И только это имеет для человека значение, становится ценностью.

Принципиальной чертой аутентичного текста культуры является его глубокая семантическая зашифрованность. Онтологические смыслы о жизни и бытии культурного текста от субъекта познания скрыты, поэтому их надо декодировать, дешифровать, истолковать, интерпретировать, понять, усвоить. Может возникнуть вопрос: почему священные тексты, такие как библия, мифы, притчи, легенды герметически сокрыты для современника? С одной стороны, этот факт объясняется необходимостью информационной защиты сакральных «первосмыслов» при их трансляции и ретрансляции в хронотопе, что, в свою очередь, и создает феномен неконвенционального восприятия каждого слова, имени, символа, аллегории, метафоры. С другой стороны, субъект ценит лишь то, что он приобретает ценой своего собственного осмысления и переживания.

Понимание образа мира и образа поступка человека в контексте связи *человек–бытие* выступает как значимая онтологическая проблема, раскрываемая с помощью герменевтики. Текст способен приблизиться к пониманию как мира, так и человека. Культурный текст призван придавать миру смысл, и это свое предназначение он успешно выполняет. Выявить специфику современного толкования воспитательных смыслов культурных текстов - значит понять истоки и многих современных проблем. Вот почему современная герменевтика озабочена интерпретацией аутентичного текста с позиций ментального освоения сегодняшних реалий. И сегодня есть все основания рассматривать аутентичный текст как адаптационный механизм воспитания растущего человека.

Адекватное понимание смыслов, закодированных в культурных текстах, и их интерпретация на основе проникновения в «первосмыслы» – одна из труднейших задач, которая стоит перед педагогом в процессе воспитания. Здесь необходим «проводник» в поле смыслов, владеющий языковой рефлексией, имеющий богатые фоновые знания и грамотно ориентирующийся в формальных средствах смыслового выражения текста, владеющий методами интерпретации, что, в свою очередь, служит более глубокому пониманию смысла через герменевтику культурного текста. «Проводник» организует проникновение в глубины смыслов, сокрытых в информационных пластах текста через язык. Так язык помогает проникнуть одному сознанию в сознание автора текста. Проникая в глубинные слои текста, сознание человека может проникнуть в сознание человека, жившего много веков назад. Поэтому в трех строчках многоуровневой информации какого-либо культурного текста спрятана бесконечность, и только она представляет собой интерес для человека, так как содержит в себе многомерность знания, которым человек стремился обладать во все времена, знанием, которое будет способствовать его личностному развитию. Именно такое знание является реальным богатством, способным принести истинное удовлетворение в процессе познания.

Автор полагает, что полемика вокруг способов раскрытия ресурсов воспитательного смыслопорождения через работу с культурным текстом во многом происходит из-за отсутствия у философии образования современной теории, адекватной для интерпретации текста. В контексте данной статьи культурный текст представляет собой ризоматическую структуру, многочисленные разветвления которой актуализируют множественность смыслов, «спрятанных» в его семантическом поле. Бесконечная семантическая вариативность неминуемо вовлекает субъектов воспитания в блуждание по лабиринту, выход из которого может быть найден только в результате применения множественности интерпретаций, верификаций поэтических образов текста. Соединение сознательного, рационального и интуитивного, иррационального в интерпретации текста позволяет увеличивать степень проникновения интерпретаторов в глубинные (онтологические) уровни культурного текста. Выработка способов и подходов такого проникновения должна привести к созданию методологии интерпретации, которая, на наш взгляд, определит перспективу дальнейшего изучения поведения языка в культурном пространстве текстов. Текст становится своеобразным смысловым лабиринтом, выход из которого возможен при обращении к языку, в котором представлены все уровни смысловой насыщенности (знаки, смыслы, архетипы), спрятанные в образе. Это позволяет так построить содержание воспитания, чтобы каждый смог «распаковать» свои смыслы, адекватные его внутреннему миру и языку, на котором он говорит с миром.

Это тем более важно, что аутентичный культурный текст имеет нераспакованную, спрессованную структуру. В процессе ее раскодирования выделяются следующие уровни.

Первый уровень – это самый поверхностный пласт или буквальный. Он заключен в пределах внешнего круга восприятия и представляет собой объективное значение. Это уровень понимания, свойственный обыденному сознанию, не проявляющему склонность к устремлению в глубину онтологического бытия.

Второй уровень культурного текста – смысловой. Он несет в себе информацию, расположенную за пределами буквального понимания, и, поэтому, раскрывает контекст иносказательный, символический на основе вероятностного познания. Раскрытые смыслы «просачиваются» в глубины личности и ее сознания и оказывают свое влияние изнутри. С позиций ориентации на личность открывается многомерность смыслов. Именно на этом уровне начинается процесс воспитания как восхождение к смыслу.

Третий, или внутренний, «ядерный пласт» содержания. Он постигается человеком мгновенно в состоянии инсайта (озарения). В этот момент сознание пробуждается и расширяется до такой степени, что личность оказывается способной увидеть скрытые связи мироздания, отраженные в нравственных законах бытия.

Многоуровневость и семантичность культурного текста можно посмотреть проследить на примере классической истории Гамлета [17]. На поверхностном уровне понимания она повествует про то, как брат совершил убийство брата, завладев короной и королевой, и про то, как сын мучается от такого быстрого решения («Два месяца как умер, двух не будет...»); про то, как он пытается отомстить, про его метания и страсти и т.д., изображая его мечущегося, затравленного, обозленного, потерявшего себя, сеющего ужас и смерть («Ужас, гуляющий на воле»). Но здесь есть и второй, скрытый план, раскрывающий ситуацию, когда человек попадает в точку экзистенциального испытания. И вся остальная история про Гамлета разворачивается на фоне борьбы двух Гамлетов - ужаснувшегося, убоявшегося и борющегося. В этом заключается смысл его трагедии: Гамлет внутренне расколот, в нем появились как бы два Гамлета, хотя окружающие воспринимают его по-старому, как прежнего, бывшего до смерти Гамлета-отца (тот самый «Милейший принц», «Добрейший принц»). Для Гамлета же наступает момент испытания и взросления, совершеннолетия личности. Он вступает в новый личностный (нравственный) возраст. Он теперь другой, а его воспринимают как того, прежнего, но помешанного. Этот скрытый план экзистенциальной болезни и есть сердцевина драмы о Гамлете, спрятанная в семантическом поле текста У. Шекспира. Погружение в глубины текста позволяет открыть, что на самом деле в течение всей истории Гамлет выяснял отношения с небытием, образом которого выступает «черный человек», который поселился в его душе, который терзает его и делает его безумным. Он выяснял отношения с Другим, с Чужим, со своим Двойником (но его как персонажа в тексте нет). Развязка наступает тогда, когда Гамлет бросает вызов этому «черному человеку», тому, другому Гамлету, который «не в себе», Другому, Двойнику. Потом эта тема двойничества, черного человека будет сильно волновать А. С. Пушкина («мне днем и ночью покоя не дает мой черный человек»), Ф. М. Достоевского («подпольный человек»), С. А. Есенина, который назовет одну из своих поэм «Черный человек». Но Гамлет осознал свою болезнь и принял вызов своего черного человека (как и у А. С. Пушкина, его Моцарт принял заказ от черного человека написать «Реквием»). В таком случае, не болезнь начинает управлять человеком, а он ею. Это - признак выздоровления. В признании Гамлета Лаэрту сквозит примерно такой контекст: «Я жил как все, жил интригами, хитростью, хотел мстить, ловил, подстерегал, подглядывал, лелеял желание отыграться. Я ставил капканы врагу, но сам же попадал в них. Моя слабая, смертная натура тянула меня вниз, сжимала меня в тиски, сажала в тюрьму страха. В плену у этой натуры я и был. Мною двигал мой черный человек». Не его выяснение отношений с Клавдием или Лаэртом (это лишь фон, материал), а глубинная проблема выяснения отношений с хаосом, с социальным окружением, бытием и небытием стоит в центре произведения, проблема, о которой писал Г. Гейне: когда «трещина мира проходит через сердце поэта». Точнее, эта онтологическая трещина проходит через сердце обычного человека, частного существа, и делает его поэтом и философом, и через это человек вступает в новый личностный возраст. История Гамлета - про его личность, про его внутренний мир, который находится в тисках и пытается освободиться.

Гамлет, кажущийся для других действительно блаженным и опасным (кроме Горацио), ходит и задает себе вопрос: быть или не быть? Этот ключевой монолог, с которого все и началось, и монолог-признание Лаэрту стягивают всю историю в единую трагедию, в единое целое. Между этими двумя монологами - вся история, длиною в жизнь. Воспроизведем этот монолог (выделив ключевые фразы) [15, с. 497]:

Быть иль не быть, вот в чем вопрос. Достойно ль
Души терпеть удары и щелчки
Обидчицы судьбы иль лучше встретить
С оружьем море бед и положить
Конец волненьям? Умереть. Забыться.
И все. И знать, что этот сон - предел
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть. И видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся,
Когда покров земного чувства снят?
Вот объясненье. Вот, что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Позор гоненья, выходки глупца,
Отринутую страсть, молчанье права,
Надменность власть имущих и судьбу
Больших заслуг перед судом ничтожеств,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, – не склоняла воли.
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться.
Так всех нас в трусов превращает мысль,
Так блекнет цвет решимости природной
При тусклом свете бледного ума,
И замыслы с размахом и почином
Меняют путь и терпят неуспех
У самой цели... (пер. Б. Пастернака).

Можно было бы умереть, уснуть, если бы не «ужас чего-то после смерти», если бы не «неоткрытая страна, откуда ни один путник не возвращался». Именно онтологический ужас перед небытием сковывает всего человека. Очевидно, что речь идет не о мысли, а о со-вести, т.е. о глубинном знании, о тяжком раздумье, едва переносимом смертным. Поэтому не просто совесть, не просто мысль, а совесть как «весть бытия» (М. Хайдеггер) делает человека трусом. Речь идет об особой мысли, о попытке помыслить пределы бытия. Не смерть сама по себе страшна, а страшно небытие после смерти, забвение. Человек в этом смысле умирает дважды, как и рождается тоже дважды. Сначала умирает тело, потом нас забывают, и наша душа умирает. Именно это страшит более всего Гамлета: ужас после смерти и забвение. Человек пребывает тогда, когда его помнят, когда его забывают, он исчезает.

Итак, человек от этого экзистенциального страха перед небытием раскалывается. И после этого идет тяжкий и одинокий путь собирания осколков души, поиска другой своей части, отколовшейся и забытой. С этой поры и ведется тяжба двух Гамлетов. Кончается она смертью обоих и воскрешением иного, другого Гамлета. Здесь весь корень онтологической философии человека, раскрытие которой происходит на основе герменевтики текста.

Многие ученые вступали в диалог с Гамлетом, давая свою интерпретацию классического образа. Наиболее известны герменевтические размышления Л. С. Выготского [1, с. 159-181]. Он выделяет в Гамлете темную и светлую стороны. Соответственно, эти две стороны выделяются и в самой трагедии. Сам Гамлет раздвоен. Один Гамлет - реальный, который действует. И другой - ночной. О первом можно сказать («слова, слова, слова»). О втором нельзя сказать ничего. Здесь можно только молчать («остальное - молчанье»). С первым Гамлетом связаны все интриги, все события и действия. Об этой стороне истории Гамлет и попросил перед своей смертью рассказать своего друга Горацио. Со вторым Гамлетом связан некий вечный, вневременной план. Это план онтологический. Это момент откровения в трагедии. О первом сказано все. Он - в событиях трагедии. О втором - только молчанье. С этим молчаньем ушел Гамлет. Ушел, будучи в состоянии готовности, готовности принять свой удел. В этой готовности – вся трагедия, делает вывод Л. С. Выготский.

Поэтому пьеса «Гамлет» – не про дворцовые интриги, а про экзистенциальные мысли Гамлета о жизни и смерти, про его падение и воскрешение. Речь идет о том, что человек абсолютно реально попадает в онтологическую (экзистенциальную) ситуацию запредельного испытания. Сегодня он убоялся («так всех нас в трусов превращает мысль»), завтра - возвысился. Это предельное, онтологическое самоопределение, которое находится по «ту сторону добра и зла». Поэтому Гамлет - миф, в том смысле, что это имя особого состояния человека, которое он обретает, попадая в экзистенциальную ситуацию. Гамлет в этом смысле нигде не живет и одновременно живет в каждом из нас. Но проявляется он в особые минуты онтологического кризиса или самоопределения личности.

Таким образом, онтологический план произведения всегда, в любом тексте, «кодируется» в глубинных слоях семантического поля. Чтобы этот план «распредметить», необходимо слиться с многомерной структурой аутентичного текста. Такого рода интеграция требует многомерного сознания человека. Например, взаимодействие с культурным текстом представляет собой ни что иное как развертывание свернутой многоуровневой информации о мире, бытии, экзистенциальных проблемах человека. В процессе «распаковывания» выделяются уровень сюжета, уровень смысла, уровень откровения и трансцендирования. В аутентичных текстах в свернутом виде содержится целостный онтологический взгляд, «вмонтированный» в определенную картину мира.

Проникновение в онтологическое содержание культурного текста происходит через слово. Древние люди были очень чуткими к тончайшим оттенкам языка текста, и представления о слове выражались в их лексике особенным образом. Например, они различали «слово» как «миф» (μνθοξ - mythos), «слово» как «эпос» (εποξ - epos) и «слово» как «логос» (λογοξ - logos) как разные этические глубины слова [13, с. 68-71]. Миф, эпос и логос имели свои сферы употребления, хотя границы эти, некогда довольно четкие, с течением времени стали не столь очевидны и доступны объяснению только при специальном анализе. Кроме того, надо иметь в виду, что каждое из этих трех слов имело множество оттенков значения. Изучение первичного, устойчивого смысла слов с учетом их этимологии приводит к следующим выводам. Слово «миф» отражает развернутую модель сознания и, соответственно, выражает нравственно-смысловую наполненность слова в его свернутой целостности. «Эпос» (описание пространства) указывает на звуковую оформленность слова, на сам процесс произнесения, содержащий определенные образы (ср., например, «эпос» – жанр героической песни, «слово» о подвигах, как гомеровские поэмы или древнерусское «Слово о Полку Игореве»). Что же касается «логоса» (греч. *собирать, упорядочивать* в отношении к любой функции человеческого мышления), то это слово предполагало первичную выделенность и дифференциацию элементов, переходящую в некую их собранность. Термин «логос» связан с развитием уровня аналитического мышления. В архаические времена понятие «логоса» не находило себе места, где господствовал «миф», выражая первичную нерасчлененность и обобщенную целостность текста. Итак, древняя традиция совсем не случайно именовала «мифом» слово о богах и героях, закрепив за песнями, рисующими образы об их подвигах, наименование «эпоса». На этом фоне сделаем вывод, что воспитательной силой обладает слово-«эпос» и слово-«миф» в отличие от слова-«логоса», которое несет в себе чисто информационное значение. Существует большое количество фактов, которые свидетельствуют о том, что в древности люди видели связь между этими уровнями слова и чувствовали глубину

нравственного воздействия на человека, оказываемое ими. Через семантику слова шло воздействие на сознание и подсознание человека, дополненное обращением к более глубоким пластам психики, направленное на постижение смысложизненных оснований.

Пространство воспитания нуждается в разных по качеству культурных текстах, имеющих разную семантическую наполненность. Они сопрягаются друг с другом общим семантическим полем. Благодаря семантическому полю, составные разрозненные элементы текста, языковые средства и участники коммуникации скрепляются, связываются в единое целое (ткань). Устные и письменные произведения, в которых выражено онтологическое знание (будь то миф или легенда, притча), выражающее отношение к миру, являются так называемым «смысловым центром», порождающим новые, производные смыслы (дискурсы, тексты), которыми наполняется семантическое пространство культуры. Эти произведения задают иерархию текстов, циркулирующих в воспитании, при этом сами они являются носителями главных смыслов, представленных в поэтике каждой культурной эпохи. В структуру же содержания воспитания в качестве базовых надпредметных блоков – ценностно-смысловых информационных доминант – должны войти вопросы, обеспечивающие обращение субъекта к смыслу бытия, связанного с пониманием экзистенциальных и этических проблем; познание основных знаково-символических языковых систем; определение ориентиров и способов решения жизненных задач, последовательно встающих перед взрослеющей личностью, обеспечение оснований для выбора в сторону добра и нравственности; накопление опыта творчества в базовых видах деятельности и в системе отношений «человек–человек», «человек-бытие». А декодирование высших смыслов, заключенных в семантическом поле культурного текста, требует герменевтического метода.

Содержание культурных текстов должно быть построено таким образом, чтобы найти отклик в субъективной реальности каждого, чтобы каждый смог «распаковать» свои смыслы, адекватные его внутреннему миру и языку, на котором он говорит с миром. Такое содержание позволит узнать каждому, что «человечество создало множество языков общения – это язык звуков, красок, жестов, символов, цифр; что все это может стать его, ибо он рожден, как и его товарищи, Человеком» [6, с. 208]. И все это для того, чтобы с помощью герменевтики понимать самый главный текст – бытие, в котором человек – лишь часть целого.

Список литературы

1. **Выготский Л. С.** Психология искусства / предисл. А. Н. Леонтьева. М.: Искусство, 1986. 573 с.
2. **Гершунский Б. С.** Философия образования. М., 1998. 432 с.
3. **Гусинский Э. Н.** Введение в философию образования / Э. Н. Гусинский, Ю. И. Турчанинова. М., 2000. 224 с.
4. **Закирова А. Ф.** Теоретические основы педагогической герменевтики: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2001. 152 с.
5. **Ильин И. А.** Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Русская книга, 1996. Т. 1. 458 с.
6. **Колесникова И. А.** Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии: курс лекций по философии педагогики. СПб., 2001. 288 с.
7. **Кононенко Б. И.** Культурология в терминах, понятиях, именах: справочное пособие. М.: Щит, 1999. 406 с.
8. **Лобок А. М.** Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. 688с.
9. **Мень А. В.** К истории русской православной библеистики // Богословские труды. М.: Слово, 1987. Т. 28. 281 с.
10. **Словарь иностранных слов.** М.: Русский язык, 1988. 632 с.
11. **Сулима М. М.** Бытийный статус образования: герменевтическая концепция: автореф. дисс. … д. филос. н. Нижний Новгород, 2004. 45 с.
12. **Философский словарь.** М.: Политическая литература, 1981. 445 с.
13. **Фролова Н. Г.** Социально-философские аспекты герменевтики в современном образовании: дисс. … к. филос. н. Красноярск, 2001.
14. **Хайдеггер М.** Работы и размышления разных лет. М., 1993. 250 с.
15. **Цветков Э.** Психограмматика или о тайном влиянии известных слов. СПб., 2003. 320 с.
16. **Шаповалов В. Ф.** Основы философии современности: к итогам XX века: курс лекций для студ. и асп. гуманит. спец. вузов. М.: Флинта, 1998. 272 с.
17. **Шекспир У.** Гамлет // Шекспир У. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. / под ред. А. А. Смирнова. М. - Л.: Academia, 1936. Т. 5. С. 76-263.
18. **Щедровицкий Г. П.** Очерки по философии образования. М., 1993. 250 с.

HERMENEUTICS ONTOLOGICAL ROLE IN MAN EDUCATION

Elena Aleksandrovna Avdeeva, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of Professional Pedagogy
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev
paideia@mail.ru

The author reveals the ontological role of hermeneutics in man education and pays special attention to the hermeneutic analysis of cultural text aimed at identifying its ontological content in education process.

Key words and phrases: ontology; hermeneutics; education; cultural text; man.